

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ XIII

ПОТОМКИ ПРИДУНАЙСКИХ АНТОВ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ (VII–VIII ВВ.)

Олег Бубенок

Предметом особого интереса историков остается факт исчезновения этнонима «анты» из византийских источников уже в VII в. При этом особое внимание уделялось судьбе антов Нижнего Подунавья, которые в VI в. проживали лишь на левом, северном, берегу Дуная. Отметим, что одно из последних упоминаний о придунайских антах содержится в «Истории» византийского автора конца VI – начала VII вв. Феофилакта Симокатты, которая охватывает период с 582 по 602 г. Анты упомянуты там как участники событий начала VII в., когда еще при власти был византийский император Маврикий. Именно тогда имела место очередная аваро-византийская война, во время которой на стороне аваров выступили славяне-«склавины». Император Маврикий, побаиваясь нападения аваров и склавинов на Византию, отдал приказ своему стратигу Петру форсировать Дунай и закрепиться на вражеской территории на левом берегу. По приказу Петра, ипостратиг Гудуин переправился через Дунай и разбил врагов ромеев. Однако со стороны аваров последовали ответные действия: «Тем временем каган, получив известие о набегах ромеев, направил сюда Апсиха с войском и приказал истребить племя антов, которые были союзниками ромеев»¹.

Дальнейшая судьба придунайских антов представлялась исследователями по-разному. Так, О. М. Приходнюк, который видел в антах творцов пеньковской археологической культуры, касаясь причин исчезновения антов из исторической арены и этнонима *анты* из письменных источников, связал это с событиями 602 г., описанными Феофилактом. По его мнению, анты, как союзники византийцев, были разгромлены аварами и перешли в Византию. Однако он считал, что уцелевшие анты «остались на своих местах, сделав свой

вклад в процесс последующего восточнославянского этногенеза)². Этим исследователь объясняет и то, почему пеньковская культура, как культура антов, прекратила свое существование лишь во второй половине VII в.³

Другой подход к решению этого вопроса предложил Г. А. Хабургаев, который также связывал антов VI–VII вв. с носителями пеньковской культуры. Тем не менее, исследователь отметил: «... все то, что говорили византийские хронисты об антском обществе, касается жизни славянского населения бассейна Дуная и Балканского полуострова, а не района Среднего Поднепровья... Это означает, что анты византийских историков – это предки восточнобалканских (а не восточноевропейских, как обычно считается) славян, которые вместе с отдельными группами склавенен составили «Союз семы (Дунайских) племен» и которые позже (в 679 г.) подчинились хану Аспаруху». Как доказательство этого, он приводит данные о языках южных славян, среди которых болгарский и македонский значительно отличаются от остальных по особенностями фонетики, что дает основания связывать их происхождение с антскими наречиями. Исходя из этого, исследователь высказал предположение, что «днепровские «анты» исторически могли быть связаны с антами историков VI в., которые колонизировали Восточные Балканы»⁴.

Однако историческая судьба придунайских антов в VII в. оказалась намного сложнее. Отметим, что данные письменных источников вроде бы не противоречат упомянутым предположениям ученых. Так, в последний раз анты, как участники событий начала VII в., упоминаются в «Хронографии» Феофана, византийского автора VIII–IX вв. Однако его информация об антах практически является компиляцией фрагмента из «Истории» Феофилакта Симокатты, но с некоторыми дополнениями. При этом информация об антах содержится лишь в лейпцигском издании в 1887 г. сочинения Феофана, а в боннском же издании «Хронографии» Феофана от 1839 г. при описании отмеченных событий анты вообще не упоминаются, что требует отдельного объяснения. Описанные Феофаном события исследователи продактировали 602 г. Феофан, как и Феофилакт, сообщает, что «василевс» ромеев Маврикий, был напуган тем, что полководец аваров Апсих во главе «варваров» был послан аварским каганом на Византию. И поэтому он пишет Петру (стратигу. – *О. Б.*), чтобы тот вернулся на Дунай, а сам послал «скрибона Боноса с флотом для переправы войска». Но Феофан, в отличие от Феофилакта, отметил, что сам Петр, а не Гудуин, возглавил переход через Дунай: «Петр, послав ипо-

стратига Гудуина за Истр, захватил большую добычу». Дальнейшее перечисление событий представляет собой сокращенный вариант сообщения Феофилакта: «Узнав об этом, хаган послал Апсиха с войском уничтожить племя антов как союзников ромеев. После того как это случилось, часть варваров перешла к ромеям»⁵. Как видим, часть антов, которые были названы «варварами», остались на левом берегу, в то время как другая их часть перешла на византийский берег.

Исследователи считают, что именно потомки последних были упомянуты Феофаном при описании событий времен хана Аспаруха. Так, под 680 г. Феофан отмечает следующее: «Преследуя ромеев до Дуная и преправившись через него, [булгары] дошли до так называемой Варны, поблизости от Одисса и здешнего материка. Они увидели местность, хорошо укрепленную: сзади – рекою Дунаем, спереди и с боков – ущельями и Понтийским морем. Покорив из живущих там племен славинов так называемые семь родов, северов булгары расселили от начала ущелья Берегава до восточных областей, а на юге и на западе до Аварии – остальные семь родов, которые платили им дань»⁶.

Никифор, современник Феофана, аналогичным образом описывает приход булгар Аспаруха на Балканы, но при этом не упоминает племенные названия. О них он сообщает следующее: «Переправившись через Истр, булгары располагаются у так называемой Варны, поблизости от Одисса и лежащего выше материка, увидев, что это место укреплено и защищено со всех сторон рекой и недоступностью. Они подчиняют живущие поблизости славянские племена и одним из них поручают охранять области, прилежащие к аварам, другим смотреть – за соседними с ромеями землями»⁷.

Не вдаваясь в суть существующей дискуссии относительно содержания упомянутых Феофаном племенных объединений славян, отметим, что современные исследователи не сомневаются в том, что здесь речь идет о тех потомках придунайских антов, которые в начале VII в. под давлением аваров перешли на правый, византийский, берег Дуная. Долгое время считалось, что все эти «семь родов» «северов» остались на Восточных Балканах и стали основой населения Первого Болгарского царства. Однако не так давно украинские исследователи внесли некоторые коррективы в это мнение.

Прежде всего, большой интерес представляет гипотеза О. М. Приходнюка об отселении из Подунавья остатков антов, которые еще оставались там после аварских погромов в 602 г.⁸ Исследователь обратил внимание на полуполюгендарное сообщение «Повести временных лет» о пребывании славян на Дунае⁹. Как

справедливо указал О. М. Приходнюк, «летописное сообщение о переселении славян к Подунавью имеет под собою историческое основание», так как «можно найти конкретно-историческое объяснение и второй части Несторовского сообщения» об отселении славян из Подунавья вследствие давления врагов¹⁰. О. М. Приходнюк видит ответ на этот вопрос в сообщениях Феофана и Никифора, где рассказывается о вторжении в 680 г. орд болгарского хана Аспаруха на правый берег Нижнего Дуная, вследствие чего было подчинены и обложены данью «семь родов (племен)» «славинов» и «северов»¹¹. На основании этого О. М. Приходнюк сделал вывод, что приход болгар на Балканы привел и к оттоку части населения, и к переселению их на свои исконные территории.

Очевидно, что это же событие – переселение антов на Дунай, а потом отселение части из них на свою историческую прародину вследствие давления соседей, – встречаются также в «Повести временных лет» в легенде о Кие: «Идущю же ему опять, приде к Дунаеву, и возлюбил место и срубил городок мал, и хотяще сести с родом своим, и не даша ему близ живущие; еже и доньше наречают Дунайцы городище Киевец, Киеви же пришедшю в свой город Киев, ту скончаша живот свой»¹².

Археологическим подтверждением такой миграции О. М. Приходнюк считал «памятки конца VII – первой половины VIII в. типа Пастырского–Харьевки, археологические комплексы которых содержат значительное количество провинциально-византийских черт»¹³. Наиболее известным памятником этого типа является исследованное О. М. Приходнюком Пастырское городище VII–VIII вв. на Правобережье Среднего Поднепровья, где жили высокопрофессиональные ремесленники, которые, по мнению исследователя, являлись потомками тех антов, которые на протяжении VI–VII вв. колонизировали Северо-Восточную часть Балкан и Нижнее Подунавье, где и испытали значительное влияние со стороны византийской культуры¹⁴.

По наблюдения О. М. Приходнюка, «Пастырскому городищу присуща неординарная глиняная посуда, представленная лепными и гончарными изделиями»¹⁵. При этом исследователь отметил наличие на Пастырском городище грубой ассиметричной кухонной посуды, изготовленной, по его мнению, при помощи гончарного круга, но при медленном его вращении¹⁶. Это грубая посуда, изготовленная как вручную, так и при участии гончарного круга, была разделена О. М. Приходнюком на несколько групп¹⁷.

О. М. Приходнюк нашел прообраз этой пастырской керамики на памятниках Нижнего Подунавья и Балканского полуострова. Особенно он выделил «славянские» могильники на Северо-Востоке Болгарии, где встречалась аналогичная керамика, изготовленная как на гончарном круге, так и вручную. Это хорошо известные кремационные могильники Гарван, Юпер и Бабово, где встречались как безурновые, так и урновые кремационные захоронения (рис. 1, 16–22, 24–31)¹⁸. На основании этого, О. М. Приходнюк сделал вывод, что у славян «Балканского полуострова урнами были лепные, примитивно-гончарные и гончарные кухонные горшки, а также столовая посуда с лощеной поверхностью»¹⁹. К сожалению, у нас пока нет никаких данных о могильнике, который мог бы иметь прямое отношение к жителям Пастырского городища.

Относительно происхождения памятников пастырского типа О. М. Приходнюк сделал вывод: «Не вызывает сомнений, что большинство археологических материалов, происходящих из Пастырского, берут начало в материальной культуре Балканского полуострова и Подунавья. Это были не косвенные заимствования художественных стилей и передовых технологий славянским населением. Концентрация производства и высокий профессионализм гончаров, кузнецов и ювелиров Пастырского указывают, что ремесленные навыки они принесли в Приднепровье из Подунавья»²⁰.

По определению О. М. Приходнюка, жители Пастырского городища представляли собой славян, переселившихся во второй половине VII в. из Нижнего Подунавья под давлением болгарского хана Аспаруха. И поэтому они были носителями провинциально-византийской культуры и для них был характерен довольно высокий уровень развития ремесел. О. М. Приходнюк представлял обстоятельства его основания следующим образом: «Анализ исторических и археологических источников заставляет констатировать, что Пастырское городище не могло быть центром славянской округи или племенным центром. Расположение Пастырского на рубеже со степью, на территории, еще не освоенной славянами, указывает на то, что пришельцы не сумели укорениться среди местного славянского населения и были вынуждены поселиться на свободных, но опасных, принимая во внимание соседство с кочевниками, землях»²¹.

Именно эта обособленность жителей Пастырского городища позволила им накануне хазарского вторжения сохранить многие черты своей прежней культуры, истоки которой следует искать на славянских территориях в Нижнем Подунавье. Являясь носителями про-

винциально-византийской культуры, жители Пастырского городища, несомненно, представляли большой интерес для завоевателей-хазар, ибо являлись высокоразвитыми для того времени ремесленниками. О. М. Приходнюк считал, что «Пастырское городище разгромили и разграбили хазары» и это должно было иметь место во второй половине VIII в.²² При этом дальнейшая судьба этого населения казалась неизвестной. Однако вспомним пример с монголами, которые после захвата городов отделяли ремесленников от остального населения и уводили их вглубь своей империи для заселения новых городских центров. Так же могли поступить хазары и их вассалы-аланы.

Примечательно, что большинство лепных сосудов из кремаций Дмитриевского и Сухогомольшанского могильников салтовской культуры в бассейне Северского Донца (рис. 1, 1–15) находят почти полные аналогии в коллекции лепных сосудов Пастырского городища (рис. 1, 16–22), датируемых, серединой / последней четвертью VII в. – серединой VIII в.²³

Если сравнить глиняные сосуды из Сухогомольшанского могильника с аналогичной посудой с территории Пастырского городища, то заметим немало общего не только в форме (рис. 1), но и в технологии их изготовления. По данным, В. К. Михеева и В. С. Аксенова, основную группу сосудов с территории могильника представляет кухонная керамика, вылепленная от руки, но «подправленная на гончарном круге». Было выделено шесть типов такой керамики: А – горшки с яйцевидным туловом, плоским дном и слабо отогнутым наружу венчиком; Б – горшки с широким дном, по-форме напоминающие цилиндр; В – сосуды с округлым, приземистым туловом, небольшим плоским дном и слабо отогнутым наружу венчиком; Г – сосуды с округлым, слегка вытянутым туловом, небольшим плоским дном и слабо отогнутым наружу венчиком; Д – кухонные горшки со слабо отогнутым наружу венчиком, округлым или яйцевидным туловом, переходящем в невысокую, подцилиндрическую придонную часть. Необходимо отметить, что на Сухогомольшанском могильнике встречались и другие типы керамических изделий, но они были полностью изготовлены на гончарном круге и представляли собой в ряде случаев типичную салтовскую посуду²⁴.

Таким образом, не исключено, что значительная часть жителей хазарской Сухой Гомольши и близких к ним территориально групп населения бассейна Северского Донца в IX–X вв. могла быть представлена славянами балканского происхождения из Среднего Поднепровья, о чем может свидетельствовать близость ряда кера-

мических и железных предметов из Сухой Гомольши, а также из кремаций Дмитриевского могильника, с посудой и изделиями из металла с территории Пастырского городища.

Однако более проблематичной представляется проблема переселения части потомков придунайских антов на левый берег Днепра. В этой связи следует вспомнить мнение некоторых историков и лингвистов относительно того, что проживавшее на левом берегу Нижнего Дуная племя северян имело непосредственное отношение к северянам левобережного Среднего Поднепровья. Существует даже мнение, что в древнерусском языке термин «северный» означал в первую очередь – «левый», «находящийся на левом берегу»²⁵. Для нас особый интерес может представлять предположение О. В. Сухобокова относительно последствий появления орд хана Аспаруха на землях придунайских северян во второй половине VII в.: «Не исключено, что определенная часть северян, не имея возможности терпеть гнет со стороны новых пришельцев, вернулась на прадедовские земли – Левобережную Украину»²⁶.

В качестве подтверждения этого можно привести находку керамики пастырского типа (рис. 2) на поселении Александровка I, находящегося в бассейне Десны на Черниговщине. Это находка позволила исследователям памятника Р. В. Терпиловскому и О. В. Шекуну датировать слой Александровки I, где была обнаружена пастырская керамика, первой половиной VIII в. Они считают, что в это время на территорию Левобережья переселялись отдельные группы правобережного населения. В целом они представляют данные процессы следующим образом: «Расселившись на просторах Левобережья, сахновско-волынцевские племена вошли в контакт с местными славянскими группами (носителями колочинской и пеньковской культур) и с алано-болгарским населением, на что указывает, прежде всего, находка характерного гончарного горшка пастырского типа из Александровки I, а также фрагмент подобной посуды из Роища. С течением времени на этой смешанной основе формируется собственно волынцевская культура, возникает местное производство гончарной посуды, наиболее известным из центров которого становится городище Битица на Псле»²⁷.

Однако керамика волынцевского типа не имеет ничего общего с посудой с Пастырского городища, ни тем более с керамикой из Нижнего Подунавья. Исходя из данных О. В. Сухобокова, имеем следующую картину: «Гончарная керамика представлена корчагообразными сосудами приземистых пропорций, с широкой горловиной,

высоким вертикальным венчиком ... Корчагообразные сосуды изготавливались из хорошо промешанной глины с примесями песка в тесте. Их гладкая поверхность черного или темно-коричневого цвета орнаментировалась комбинациями лощеных и врезных волнистых или горизонтальных линий»²⁸.

Как видим, керамика пастырского типа довольно редка на Левобережье Среднего Поднепровья, что свидетельствует о различном характере процессов этнического и культурного характера, происходивших в предхазарский период на обоих берегах Днепра. Хотя имеются другие археологические подтверждения миграции населения из Нижнего Подунавья в лесостепное днепровское Левобережье. Вот как представлял эту ситуацию О. В. Сухобоков: «... вероятно, что отдельные тюркские этнические единицы отступили в лесостепь левого берега Днепра на рубеже VII и VIII вв., куда в то же время вернулись и дунайские северяне – потомки левобережных славян, которые подверглись давлению со стороны аспаруховых болгар. Именно последние и принесли с собою украшения типа Фотовизского и Хариевского кладов, о чем свидетельствуют черты их дунайского (провинциально-византийского) производства, как это было доказано работами А. И. Айбабина и О. М. Приходнюка. Упомянутые выше болгары, которые отселились в левобережную лесостепь, расселились небольшими компактными группами среди славян северянского племенного союза, ощутившим также давление со стороны Хазарского каганата, с течением времени стали своеобразным консолидирующим элементом в славянской среде Левобережной Украины, создав упомянутый союз племен, известный в письменных источниках как Север, Северяне «Повести временных лет». ... Такой гипотетически обозначенный обзор исторических событий находит подтверждение в довольно осязаемом проявлении инокультурного (или иноэтнического) импульса на волынцевском этапе волынцевско-роменской археологической культуры (ВРАК), распространенной именно на днепровском Левобережье, которая, по мнению многих исследователей, является археологическим эквивалентом племен северянского союза (Д. Березовец, П. Третяков, В. Седов, О. Сухобоков, А. Винников и др.). Этот инокультурный элемент зафиксирован уже на позднепеньковских (рубеж VII и VIII вв.) памятниках бассейна Северского Донца, как это доказывает харьковский археолог М. Любичев... »²⁹.

Таким образом, на сегодня имеются основания считать, что часть потомков придунайских антов под давлением болгар Аспаруха могла вернуться с территории Восточных Балкан на свою историче-

скую родину в Среднее Поднепровье, где они стали одними из создателей археологических культур VII–VIII вв., получивших названия: «памятки типа Пастырского–Харьевки», волынцевско-роменская и салтовская культуры.

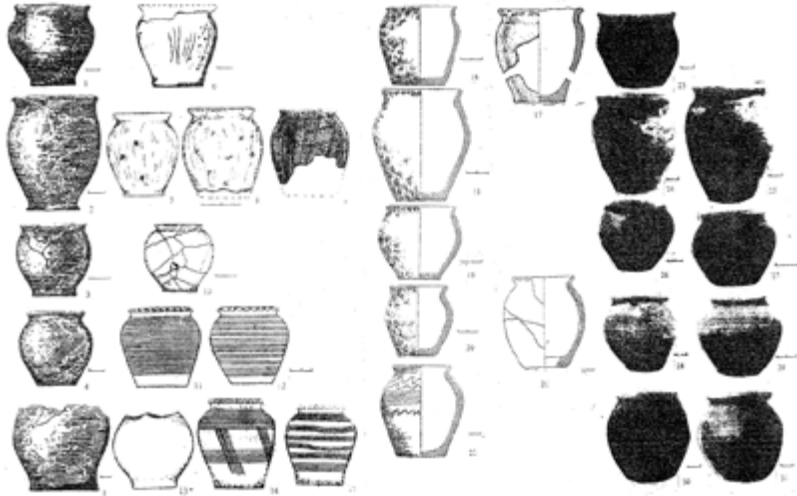

Рис. 1. Керамика из кремационных захоронений Дмитриевского (по данным С. А. Плетневой) и Сухогомольшанского (по данным В. К. Михеева и В. С. Аксенова) могильников, с территории Пастырского городища (по данным О. М. Приходнюка) и нижнедунайских раннесредневековых кремационных могильников (по данным Ж. Вьжаровой):

1–5 – сосуды из кремаций Дмитриевского могильника (1 – погр. № 2; 2 – погр. № 3; 3 – погр. № 4; 4 – погр. № 6; 4 – погр. № 6; 5 – погр. № 7);

6–15 – сосуды из кремаций Сухогомольшанского могильника (6 – погр. № 70; 7 – погр. № 80; 8 – погр. № 185; 9 – погр. № 82; 10 – погр. № 235; 11 – погр. № 129; 12 – погр. № 138; 13 – погр. № 51; 14 – погр. № 167; 15 – погр. № 104);

16–22 – керамика с территории Пастырского городища;

24–26, 28 – Гарван-1;

23, 27, 29–31 – Юпер (23 – погр. № 20; 27 – погр. № 13; 29 – погр. № 14; 30 – погр. № 15; 31 – погр. № 7)

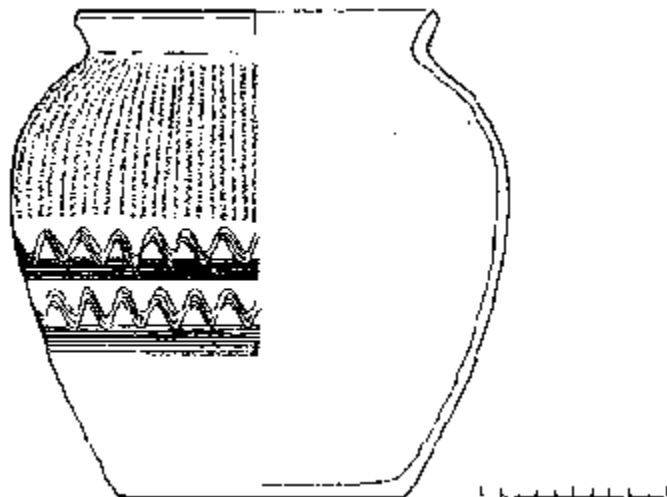

Рис. 2. Керамика пастырского типа из поселения Александровка I на Черниговщине (по данным Р. В. Терпиловского и О. В. Шекуна)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Феофилакт Симокапта. История / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. – М., 1957. – С. 180.

²Приходнюк О. М. Анти та авари // Проблеми походження та історія розвитку слов'ян. – К. – Львів, 1997. – С. 147.

³Приходнюк О. М. Анти и пенковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. – К., 1989. – С. 68.

⁴Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». – М., 1979. – С. 99–100.

⁵Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 34, 58.

⁶Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 62.

⁷Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 162.

⁸Приходнюк О. М. Комментарий к летописной версии о пребывании и расселении славян с Подунавья // Краткие сообщения Одесского археологического общества. – Одесса, 1994. – С. 43–48; Приходнюк О. М. К

вопросу о летописной версии пребывания славян в Подунавье // Тезисы Международной конференции «Византия и народы Причерноморья в раннее средневековье». – Симферополь, 1994. – С. 14–15; Приходнюк О. М. Версія Нестора Літописця про розселення слов'ян з Подунав'я // Матеріали до української етнології. – К., 1995. – С. 23–32; Приходнюк О. М. Версія Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – К., 1996. – С. 64–79; Приходнюк О. М. Дунайська теорія походження слов'ян (реальність чи фантазія Печерника Нестора) // Пам'ять століть. – К., 1999. – С. 43–48.

⁹Повесть врем'яних літ (за Іпатським списком). – К., 1990. – С. 10–13.

¹⁰Приходнюк О. М. Версія Нестора о расселении славян из Подунавья... – С. 65–66.

¹¹Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... – С. 62, 162.

¹²Повесть врем'яних літ (за Іпатським списком). – С. 18–19.

¹³Приходнюк О. М. Версія Нестора о расселении славян из Подунавья... – С. 66–67.

¹⁴Приходнюк О. М. Пастирське городище – видатна археологічна пам'ятка України доби раннього середньовіччя // Родовід. – К., 1996а. – С. 62–75.

¹⁵Приходнюк О. М. Пастирське городище. – К.–Чернівці, 2005. – С. 60.

¹⁶Там само. – С. 66.

¹⁷Там само. – С. 60–63, 179–187 (рис. 75–84).

¹⁸Въжарова Ж. Славяни и прабългари (по данин на некрополите от VI–XI в. на територията на България). София, 1976.

¹⁹Приходнюк О. М. Пастирське городище. – С. 67–68.

²⁰Там само. – С. 97–98.

²¹Там само. – С. 98.

²²Там само.

²³Приходнюк О. М. Пастирське городище. – рис. 75: 1, 2; 76; 78; 80: 1; 81: 2.

²⁴Аксенов, В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» // Хазарский альманах. – Т. 5. – К.–Харьков, 2006. – С. 150–158, 290–295.

²⁵Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян // Славянская археология, этногенез, расселение и духовная культура. – М., 1993; Сухобоков О. В. Тюркомовні народи в історії населення лівобережно-дніпровських лісостепів України (археологічний аспект) // Хазарский альманах. – Т. 3. К.–Харьков, 2004. – С. 163.

²⁶Сухобоков О. В. Тюркомовні народи в історії населення лівобережно-дніпровських лісостепів України (археологічний аспект). – С. 163.

²⁷Терпиловський Р. В., Шекун О. В. Олександрівка I – Багатошарове слов'янське поселення біля Чернігова. – Чернігів, 1996. – С. 42, 44, 98.

²⁸Сухобоков О. В. Славяне Дніпровського Левобережжя (Роменская культура и её предшественники). – К., 1975. – С. 52–56.

²⁹Сухобоков О. В. Тюркомовні народи в історії населення лівобережно-дніпровських лісостепів України (археологічний аспект). – С. 163.